

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап

10 класс
Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический или лирический.

Выполните целостный анализ рассказа **В.М. Шукшина «Раскас»**. Вы можете опираться на данные вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

1. Какая композиционная и смысловая связь устанавливается в рассказе между Иваном и творчеством? В каких фрагментах она проявлена, а в каких проходит на уровне подтекста?
2. Каковы особенности устной и письменной речи главного героя?
3. Как редактор воспринимает Ивана?
4. В чем состоит композиционная необходимость финальных фраз?

В.М. Шукшин

Раскас

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером.

Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашел на столе записку:

«Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу. Не ищи меня. Людмила».

Огромный Иван, не оглянувшись, грузно сел на табуретку – как от удара в лоб. Он почему-то сразу понял, что никакая это не шутка, это – правда.

Даже с его способностью все в жизни переносить терпеливо показалось ему, что этого не перенести: так нехорошо, больно сделалось под сердцем. Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал. Хотел как-нибудь думать и не мог – не думалось, а только больно ныло и ныло под сердцем.

Мелькнула короткая ясная мысль: «Вот она какая, большая-то беда». И все.

Сорокалетний Иван был не по-деревенски изрядно лыс, выглядел значительно старше своих лет. Его угрюмость и молчаливость не тяготили его, досадно только, что на это всегда обращали внимание. Но никогда не мог он помыслить, что мужика надо судить по этим качествам – всегда ли он весел и умеет ли складно говорить. «Ну, а как же?!» – говорила ему та же Людмила. Он любил её за эти слова ещё больше... И молчал. «Не в этом же дело, – думал он, – что я тебе, политрук?». И вот – на тебе, она, оказывается, правда горевала, что он такой молчаливый и неласковый.

Потом узнал Иван, как все случилось.

Приехало в село небольшое воинское подразделение с офицером – помочь смонтировать в совхозе электроподстанцию. Побыли-то всего с неделю!.. Смонтировали и уехали. А офицер ещё и семью тут себе «смонтировал».

Два дня Иван не находил себе места. Пробовал напиться, но ещё хуже стало – противно. Бросил. На третий день сел писать рассказ в районную газету. Он частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что. Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?!

Раскас

Значит было так: я приезжаю – на столе записка. Я её не буду пириказывать: она там обзывать начала. Главню я же знаю, почему она сделала такой финт ушами. Ей все говорили, что она похожая на какую-то артистку. Я забыл на какую. Но она дурочка не понимает: ну и

что? Мало ли на кого я похожий, я и давай теперь скакать как блоха на зеркале. А ей когда говорили, что она похожая она прямо щастливая становилась. Она и в культ прасветшколу из-за этого пошла, она сама говорила. А еслив сказать кому што он на Гитлера похожий, то што ему тада остается делать: хватать ружье и стрелять всех подряд? У нас на фронте был один такой – вылитый Гитлер. Его потом куда-то в тыл отправили потому што нельзя так. Нет, этой все в город надо было. Там говорит меня все узнавать будут. Ну не дура! Она вобщем то не дура, но малость чокнутая нащет своей физиономии. Да мало ли красивых – все бы бегали из дому! Я же знаю, он ей сказал: «Как вы здорово похожи на одну артистку!» Она конечно вся засветилась... Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли на шею обчеству и радешеньки! А гусударство в убытке.

Иван остановил раскаленное перо, встал, походил по избе. Ему нравилось, как он пишет, только насчет государства, кажется, зря. Он подсел к столу, зачеркнул «гусударство». И продолжал:

Эх вы!.. Вы думаете, еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу! Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу, а при стрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое-кто с неделю хворать будет. Я не угрожаю и нечего мне после этого пришивать, што я кому-то угрожал, но при стрече могу разок угостить. А потому што это тоже неправильно: увидал бабенку боле или мене ничего на мордочку и сразу подсыпаться к ней. Увирую вас хоть я и лысый, но кое-кого тоже мог ба поприжать, потому што в рейсах всякие стречаются. Но однако я этого не делаю. А вдруг она чья нибудь жена? А они есть такие што может и промолчать про это. Кто же я буду перед мужиком, которому я рога надстроил! Я не лиходей людям.

Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? Тут семья нарушена. А у ей есть полная уверенность, што они там наладят новую? Нету. Она всего навсего неделю человека знала, а мы с ей четыре года прожили. Не дура она после этого? А гусударство деньги на её тратила – учила. Ну, и где ж та учеба? Её же плохому-то не учили. И родителей я её знаю, они в соседнем селе живут хорошие люди. У ей между прочим брат тоже офицер старший лейтенант, но об нем слышно только одно хорошее. Он отличник боевой и политической подготовки. Откуда же у ей это пустозвонство в голове? Я сам удивляюсь. Я все для ей делал. У меня сердце к ей приросло. Каждый рас еду из рейса и у меня душа радуется: скоро увижу, и пожалуста: мне надстраивают такие рога! Да черт с ей не вытерпела там такой ловкач попался, што на десять минут голову потиряла... Я бы как-нибудь пережил это. Но зачем совсем то уезжать? Этого я тоже не понимаю. Как-то у меня ни укладывается в голове. В жизни всяко бываит, бываит иной рас слабость допустил человек, но так вот одним разом всю жизнь рушить – зачем же так? Порушить-то ей лехко, но снова складать трудно. А уж ей самой – тридцать лет. Очень мне счас обидно, поэтому я пишу свой раскас. Еслив уж на то пошло у меня у самого три ордена и четыре медали. И я давно бы уж был ударником коммунистического труда, но у меня есть одна слабость: как выпью так начинаю материть всех. Это у меня тоже не укладывается в голове, тверезый я совсем другой человек. А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит. И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернулся, она это может подтвердить. Я ей грубога слова никогда не сказал. И вот пожалуста она же мне надстраивает такие прямые рога! Тут кого хошь обида возьмет. Я тоже – не каменный.

С приветом.

Иван Петин. Шофер 1 класса.

Иван взял свой «раскас» и пошел в редакцию, которая была неподалёку.

Стояла весна, и от этого ещё хуже было на душе: холодно и горько. Вспомнилось, как совсем недавно они с женой ходили этой самой улицей в клуб – Иван встречал её с репетиций. А иногда провожал на репетицию.

Он люто ненавидел это слово «репетиция», но ни разу не выказал своей ненависти: жена боготворила репетиции, он боготворил жену. Ему нравилось идти с ней по улице, он гордился

красивой женой. Ещё он любил весну, когда она только-только подступала, но уже всю чувствовала даже утрами, сердце сладко поднывало – чего-то ждалось. Весны и ждалось. И вот она наступила, та самая – нагая, раздрыганная и ласковая, обещающая земле скорое тепло, солнце... Наступила... А тут – глаза бы ни на что не глядели.

Иван тщательно вытер сапоги о замусоленный половичок на крыльце редакции и вошел. В редакции он никогда не был, но редактора знал: встречались на рыбалке.

– Агеев здесь? – спросил он у женщины, которую часто видел у себя дома и которая тоже бегала в клуб на репетиции. Во всяком случае, когда ему доводилось слушать их разговор с Людмилой, это были все те же «репетиция», «декорация». Увидев её сейчас, Иван счёл нужным не поздороваться; больно дёрнуло за сердце.

Женщина с любопытством и почему-то весело посмотрела на него.

– Здесь. Вы к нему?

– К нему... Мне надо тут по одному делу. – Иван прямо смотрел на женщину и думал: «Тоже небось кому-нибудь рога надстроила – веселая».

Женщина вошла в кабинет редактора, вышла и сказала:

– Пройдите, пожалуйста.

Редактор – тоже весёлый, низенький... Несколько больше, чем нужно бы при его росте, полненький, кругленький, тоже лысый. Встал навстречу из-за стола.

– А?! – воскликнул он и показал на окно. – На нас, на нас времечко-то работает! Не пробовали ещё переметами?..

– Нет, – Иван всем видом своим хотел показать, что ему не до переметов сейчас.

– Я в субботу хочу попробовать. – Редактора все не покидало весёлое настроение. – Или не советуете? Просто терпения нет...

– Я раскас принёс, – сказал Иван.

– Рассказ? – удивился редактор. – Ваш рассказ? О чем?

– Я тут все описал. – Иван подал тетрадку.

Редактор полистал её... Посмотрел на Ивана. Тот серьёзно и мрачно смотрел на него.

– Хотите, чтоб я сейчас прочитал?

– Лучше бы сейчас...

Редактор сел в кресло и стал читать. Иван остался стоять и все смотрел на веселого редактора и думал: «Наверно, у него жена тоже на репетиции ходит. А ему хоть бы что – пусть ходит! Он сам сумеет про эти всякие „декорации“ поговорить. Он про все сумеет».

Редактор захохотал.

Иван стиснул зубы.

– Ах, славно! – воскликнул редактор. И опять захохотал так, что заколыхался его упругий животик.

– Чего славно? – спросил Иван.

Редактор перестал смеяться... Несколько даже смутился.

– Простите... Это вы о себе? Это ваша история?

– Моя.

– Кхм... Извините, я не понял.

– Ничего. Читайте дальше.

Редактор опять уткнулся в тетрадку. Он больше не смеялся, но видно было, что он изумлен и ему все-таки смешно.

И чтоб скрыть это, он хмурил брови и понимающе делал губы трубочкой. Он дочитал.

– Вы хотите, чтоб мы это напечатали?

– Ну да.

– Но это нельзя печатать. Это не рассказ...

– Почему? Я читал, так пишут.

– А зачем вам нужно это печатать? – Редактор действительно смотрел на Ивана сочувственно и серьезно. – Что это даст? Облегчит ваше... горе?

Иван ответил не сразу.

– Пускай они прочитают... там.
 – А где они?
 – Пока не знаю.
 – Так она просто не дойдет до них, газетка-то наша!
 – Я найду их... И пошлю.
 – Да нет, даже не в этом дело! – Редактор встал и прошелся по кабинету. – Не в этом дело. Что это даст? Что, она опомнится и вернется к вам?
 – Им совестно станет.
 – Да нет! – воскликнул редактор. – Господи... Не знаю, как вам... Я вам сочувствую, но ведь это глупость, что мы сделаем! Даже если я отредактирую это.
 – Может, она вернется.
 – Нет! – громко сказал редактор. – Ах ты, Господи!.. – Он явно волновался. – Лучше напишите письмо. Давайте вместе напишем?
 Иван взял тетрадку и пошел из редакции.
 – Подождите! – воскликнул редактор. – Ну давайте вместе – от третьего лица...
 Иван прошёл приёмную редакции, даже не глянув на женщину, которая много знала о «декорациях», «репетициях»... Собаки!
 Он направился напрямиком в чайную. Там взял «полкило» водки, выпил сразу, не закусывая, и пошел домой – в мрак и пустоту. Шёл, засунув руки в карманы, не глядел по сторонам. Все как-то не наступало желанное равновесие в душе его. Он шел и молча плакал. Встречные люди удивлённо смотрели на него... А он шел и плакал. И ему было не стыдно. Он устал.

1967

Василий Макарович Шукшин (1929-1974) – русский советский писатель, кинорежиссёр, сценарист и актёр.

Выполните целостный анализ стихотворения **М.А. Кузмина «Искусство»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- изображение лирического субъекта и объекта;
- средства создания связанной с ними атмосферы;
- особенности ритмической и синтаксической структуры текста;
- обыденность и красота в художественной реальности поэта.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

М.А. Кузмин

Искусство

Туман и майскую росу
 Сберу я в плотные полотна.
 Закупорив в сосудец плотно,
 До света в дом свой отнесу.
 Созвездья благостно горят,
 Указанные в Зодиаке,
 Планеты заключают браки,
 Оберегая мой обряд.
 Вот жизни горькой и живой
 Истлевшее беру растение.
 Клокочет вещее кипенье...
 Пылай, союзник огневой!
 Всё, что от смерти, ляг на дно.

(В колодце ль видны звёзды, в небе ль?)
Былой лозы прозрачный стебель
Мне снова вывести дано.
Кора и розоватый цвет –
Всё восстановлено из праха.
Кто тленного не знает страха,
Тому уничтоженья нет.
Промчится ль ветра буйный конь –
Верхушки легкой не качает.
Весна нездешняя венчает
Главу, коль жив святой огонь.

1921

Михаил Алексеевич Кузмин (1872-1936) – русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик) и композитор Серебряного века.

Творческое задание

Представьте, что у вас появилась возможность обучения в одном из европейских университетов на факультете мировой художественной культуры, но для этого вам необходимо написать эссе о русском искусстве (музыка, живопись, архитектура, театр и кино) с целью познакомить и заинтересовать иностранную аудиторию с одним из явлений в духовной жизни русских людей, в котором, на ваш взгляд, отражены особенности национального менталитета, традиций и образа жизни. Какое произведение, относящееся к указанным видам искусства (кроме литературы) вы могли бы представить в своем эссе и почему?

Объем ответа – 150-200 слов.